

В. Н. Гущина

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОРЫВЫ И ПРОВАЛЫ

Послесловие к Международному
Платоновскому фестивалю

Платоновский фестиваль стал самым ярким событием воронежской жизни за последние десятилетия, некоторые журналисты даже утверждают — что за последние 425 лет. Может быть, это и так. Не подлежит сомнению тот факт, что те, кто посетил фестивальные спектакли, выставки, концерты, получили не только эстетическое удовольствие самого высокого уровня, но и большой заряд творческой энергии, приобщившись к лучшим достижениям мирового и отечественного искусства. Первый опыт оказался успешным, несмотря на высказанные замечания, которые касались как формы проведения, так и содержания программы фестиваля. В любом случае инициаторы и организаторы, меценаты и спонсоры, а также волонтеры заслуживают искренней и глубокой благодарности за прекрасно организованный праздник высокой культуры. Однако поскольку это первое начинание и по его поводу были высказаны разные мнения, к ряду послесловий хотелось бы добавить и свое как профессионального культуролога.

У каждого известного фестиваля есть свое лицо. Для воронежского было выбрано имя великого земляка Андрея Платонова, а это предопределяет своеобразие фестивального бренда. Личность Платонова была исключительно выдающаяся, своеобразная и многогранная. Отсюда открывающиеся возможности для будущих организаторов и участников фестиваля также практически бесконечны с точки зрения формы и содержания включаемых в программу мероприятий.

Прошедший фестиваль был посвящен в основном искусству. Однако художественный талант — лишь одна, хотя, может быть, и главная, сторона личности Андрея Платонова. Сам он к своему художественному творчеству

относился спокойно, эстетством и артистическим снобизмом, в отличие от многих его коллег по перу, не отличался. Как отмечают его биографы, он был не только созерцателем-художником, но и делателем — прекрасным организатором, инженером, изобретателем, садоводом-огородником. До конца жизни он болел душой за состояние социальной и хозяйственной жизни страны. В своем творчестве он, как никто другой из российских писателей, был погружен в ее боли и раны, проблемы и противоречия, и именно его бескомпромиссная честность в изображении этих проблем, глубина их понимания, уникальность и неповторимость их художественного воспроизведения, несмотря на высочайше организованные потоки клеветы и оскорблений, гонения, запреты и другие удары судьбы, поставили его в ряд художников мирового масштаба, сделали его мастером первой величины. Благодаря своему гению, он оказался еще и пророком, предсказав такое будущее, которое никто из его современников не мог себе представить. Поэтому его творчество не потеряло не только своей художественной ценности, но и социальной актуальности в наши дни, как и пример его личности, отличавшейся активностью, деловитостью, принципиальностью.

По воспоминаниям современников, Платонов был чужд всякой публичности, не любил вращаться в престижных кругах, рекламировать свое творчество. Мне представляется, что если бы ему предложили на выбор посмертную славу в веках и признание как великого художника или воплощение в жизнь принципов общечеловеческого гуманизма и справедливости и его инженерно-технических и социально-экономических проектов улучшения повседневной жизни людей, сельского хозяйства и промышленности страны,

оригинальные и новаторские детали которых разбросаны во множестве его произведений, то Андрей Платонов, который подписывал свои статьи «Гуманкин» или «Ф. Человеков», выбрал бы последнее. Поэтому «производственная» и «общественная» стороны жизни и деятельности писателя, на мой взгляд, представляют не меньший интерес и ценность для наших современников, чем его художественное наследие. Как известно, в начале своего жизненного пути Платонов работал мелиоратором и под его недолгим руководством Воронежская область по организации мелиоративных работ стала лучшей в стране. Его организаторские способности были всеми признаны и оценены, что, однако, не помешало бюрократической системе выдать его из своих рядов, лишив средств к существованию. Из исторического далека, вероятно, и можно сказать ей спасибо за это, поскольку иначе инженер Климентов не переквалифицировался бы в литератора Платонова. Однако проблема в том, что в результате подобного отношения к высококлассным специалистам в настоящее время перед Воронежской областью стоят те же проблемы, что и во времена юности писателя — обезвоживание, засухи, пожары (Напоминает эпоху Платонова и организация строительно-ремонтных работ в самом областном центре. Посетивший Воронеж в 1925 году Виктор Шкловский записал в своем дневнике: «В городе чинят мостовые, сразу все». Все гости фестиваля 2011 года, как и воронежцы, заметили и отметили авральную специфику и формы проведения строительно-ремонтных работ. Часто создается впечатление, что ведутся они, как у платоновских героев, на основе «чувствования», а не разума и науки. Сам Платонов, по свидетельству его биографов, был эффективным и умелым организатором и как руководитель не выносил нерадивости, расхлябанности и не терпел таких работников, и у него могли бы поучиться многие современные руководители.).

Как делателя его всегда заботило повышение агрокультуры сельского населения. С этой целью он выдвинул идею организации в губернии первого крестьянского мелиоративно-строительного союза. Имея таких идейных предшественников, недавно созданная ассоциация «Воронежский союз мелиораторов» могла бы учредить премию для лучшего мелиоратора или лучшего мелиорационного проекта имени Андрея Платонова. Возможно учреждение областной премии его имени для лучшего изобретателя или молодого ученого, причем не только в естественных, сельско-

хозяйственных, но и гуманитарных науках. Смотры, итоги конкурсов и награждение победителей могли бы проводиться в рамках фестиваля.

И сейчас не может не восхищать последовательная, тонкая и умная, бескомпромиссная и жесткая критика писателем партийно-бюрократической системы и методов ее действия. К сожалению, надежды писателя на «разрушение идиотизма» не оправдались. Бюрократия — наверное, единственный объект его язвительной и резкой критики, на который он не распространял свой гуманизм. В духе Платонова, наверное, могло бы стать учреждение антипремии — для худшего бюрократа, имя которого можно было бы определять по количеству жалоб граждан, поступивших на деятельность того или иного чиновника.

Даже ошибки Платонова могли бы сослужить службу современникам, например, попытка в молодости создать мельницу и бесплатно молоть муку всем желающим. При всей нравственной привлекательности этот эпизод из его жизни показывает, что хозяйственная культура без финансово-экономической грамотности обречена на провал, а обществу, в котором она отсутствует, уготована судьба «Чевенгура». Фестиваль в идеале должен был бы стать образцом успешного и эффективно-го коммерческого предприятия, моделью для других учреждений культуры, а его коммерческая составляющая развиваться и диверсифицироваться.

Особенно важным и ценным представляется отношение писателя к духовной культуре и те уроки, которые можно извлечь из его художественного наследия. Картина, нарисованная Платоновым в «Чевенгуре» и других произведениях, живописует катастрофическую судьбу культуры после революции. От помещичьих имений практически ничего не осталось: руины зданий, полувырубленные аллеи и запущенные сады. Что уцелело в годы гражданской войны, было расташено крестьянами. Может быть, провинциальные усадьбы и не были в массе своей шедеврами архитектуры и были далеки от эстетического совершенства — чего стоит одно описание декоративной колоннады неизвестного назначения помещичьей усадьбы, которая была выполнена «в живой форме тучных женских ног», или, в терминологии Степана Копенкина, — «срамных лыдок» (Ссылки на роман «Чевенгур» даются по изданию: Платонов А. Собр. соч. : в 5 т. / А. Платонов. — М.: «Информпечать» ИТРК РСФСР, 1998. — Т. 2. — С. 5—307). Эти «колонны сторожили пустой погребенный мир»

бывшего богатого имения, за счет которого существовало в течение пяти лет целое село. От дворянства остались одни отрицательные воспоминания. Когда Копенкин под впечатлением этих «лыдок» вспоминает дореволюционный быт, то ему на ум приходят помещичьи «откормленные дядьки» — хранители старого строя: «подойдет и даст лапой без предупреждения — сухожилия лопнут».

Как бы ни были сомнительны с эстетической точки зрения сооружения помещиков в провинциальной глубинке, к тому же приходится в упадок они стали задолго до революции, о чем с глубокой ностальгией писали русские писатели еще в XIX веке, в любом случае их имения были развитыми хозяйственными предприятиями. Некоторые из них были еще и культурными центрами с библиотеками и картинными галереями. Автор встреченного героями «Чевенгура» архитектурного проекта был, по-видимому, любителем и коллекционером древностей, о чем свидетельствуют горы рыцарских доспехов и холодного оружия в подвале дома. Однако народ эти культурные артефакты не оценил.

В воронежской степи сложилась классическая фрейдовская ситуация: угнетенные «обойденные классы» прониклись острой враждебностью к культуре, которую они поддерживали своим трудом, но к благам которой были не причастны. Поэтому они разрушают саму культуру, отменив самые ее предпосылки. В Чевенгуре произошел отказ от культуры в ее исходном понимании — агрономическом (от лат. *cultura* — возделанная, обработанная земля, природа), т. е. тотальный отказ ото всех видов трудовой деятельности и возврат к практикам присваивающего хозяйства: собирательству, охоте, рыболовству. Параллельно были ликвидированы все институты цивилизации — город, семья, власть, почта, религия и церковь, искусство. Регрессировали и эстетические вкусы. Чепурный, организатор и идейный вдохновитель коммунаров, предпочитал лопухи и весь бурьян культурным растениям — цветам и их художественному оформлению в клумбах и палисадниках, т. к. «бурьян есть дружба живущих растений. Зато цветы и палисадники, и еще клумбочки, те — явно сволочная рассада, их надо не забыть выкосить и затоптать навеки...».

Особым нападкам подверглись просвещение и наука, владение которой однозначно связывалось со статусом буржуа и угнетателя. Даже такой институт цивилизации как письменность трактуется как излишнее усложнение жизни и связывается с эксплуататорскими

классами: «пишут всегда для страха и угнетения масс». «Рыцарь революции» Копенкин отождествляет образование с вредоносной магической силой, считая, что «грамотный умом колдует, а неграмотный на него рукой работает»; интеллигент Дванов «в душе любил неведение больше культуры», которую он считал препятствием для будущего развития, и на самом деле «был доволен, что в России революция выволола начисто те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем, — не нивой, а порожним плодородным местом».

Здесь имел место возврат не к «новому средневековью», как утверждал Н. А. Бердяев, а к более древней исторической эпохе — первобытности. Российский «социальный революционер» оказался «культурным реакционером». Некоторые предложения Копенкина были реализованы даже более радикальным образом: вместо того чтобы «отучать редких от грамоты», большинство их просто уничтожили (выслали, физически истребили, в лучшем случае запретили работать по специальности).

Необходимо отметить, что народ пребывал в состоянии «чистого поля» еще до революции и отрицательное отношение к культуре героев Чевенгура не было чем-то новым в российской истории. Бердяев признавал, что «русская идея не есть идея культуры», «что русским свойственно и обскурантское отрицание культуры». Этим отличались и писатели, и официальное православие, и интеллигенция, что в конечном счете и привело к «разгрому духовной культуры». Он связывал это с особенностями историко-культурного развития России.

В Европе, начиная с Античности и до XX века, гуманитарные науки и искусства (*humanities*) являлись основой образования свободных граждан, аристократии и духовенства. Церковь и королевская власть оспаривали друг у друга не только политическое верховенство, но и роли законодателя мод в искусствах и их мецената. Придворные следовали примерам королей, а «нувориши» копировали модели воспитания, образования и поведения аристократов. В результате в Европе и, позднее, в США совокупность многовековых исторических традиций культивирования *humanities* привилегированными сословиями привела к тому, что гуманитарное образование стало ассоциироваться с элитарностью. Оно составляло основу классического образования до середины XX века, когда образование в Европе из элитарного стало массовым.

С XVII века в результате научной революции культурной доминантой стали естественные науки, потеснив гуманистику. Рост инженерно-технического и естественно-научного образования в XIX—XX веке хотя и снизил удельный вес социально-гуманитарных наук в вузах Европы, однако их значение и престиж остались высокими. Это зафиксировала философия постмодерна, которая в отличие от предшествовавших эпох сделала своим предметом не природу и эпистемологию, а культуру — труд и власть, болезнь и секс, моду и антропологию, литературу и поэзию, искусство и средства массовой информации и т. д., т. е. различные стороны существования и выражения человека. Она зафиксировала новое качество культуры, явившееся следствием объективации результатов и ценностей гуманитарных наук и искусств на всех уровнях и во всех формах социальной материи. Решающую роль в этом в 50—60-е годы XX века сыграла НТР, суть которой состояла в воплощении мировой культуры в жизнедеятельность и личностные характеристики населения, что не только перестроило систему школьного образования, культурного отдыха и массовой информации, но и изменило стереотипы поведения людей, их менталитет и важнейшие личностные черты и качества, а в итоге — главные характеристики производства, общества и государства.

В результате в Европе благодаря сложившимся традициям отношения к классическому наследию, высокому актуальному уровню культуры и широкой и разнообразной представленности институтов и учреждений культуры во всех регионах, а не только столицах продолжает существовать изучение гуманитарных наук и искусств на всех уровнях образования (начальном, среднем, высшем). Эту традицию поддерживают элиты (политические, экономические, художественные), получающие образование, как правило, в элитарных учебных заведениях, которые отличаются тем, что в них большое внимание уделяется гуманитарному профилю.

Конечно, и в западной системе образования отношение к гуманитарным наукам меняется, ведутся дискуссии об их полезности, спектр которых простирается от их романтизации до полного отрицания. Однако разразившийся в 2008 году экономический кризис зафиксировал в США рост абсолютного числа студентов, записывающихся на специализации по философии. Правда, стоит отметить, во-первых, что особый интерес вызывает не вся философия, а так называемая прикладная

философия — этика, эстетика, социальная философия (New-York Times пишет о гарвардском профессоре политической философии Майкле Сандале (Michael J. Sandel), который стал медиа-звездой не только в США, но и в Японии, Китае, и по лекциям которого в 2009 году был создан телевизионный сериал, сейчас доступный on-line. Его популярность объясняется тем, что он поднимает нравственные проблемы повседневной жизни, рыночной экономики, что позволяет студентам выходить за «сухие технические границы экономики, бизнеса и инженерии»); во-вторых, интерес к философии значительно уступает увлечению американских студентов свободными искусствами. После резкого падения 1970-х — начала 1980-х годов humanities восстановили равновесие к концу 1980-х годов. Число бакалавров в сфере визуальных и исполнительных искусств, например, с 1997 года выросло на 50 % (с 50 000 до 77 000) и превзошло число студентов в области коммуникаций и журналистики. При этом число студентов-гуманитариев наиболее велико в самых престижных институтах (the most selective institutions).

Таким образом, мировой кризис, ослабив жесткую экономическую мотивацию и расшатав сложившуюся иерархию ценностей учебных дисциплин, позволил выйти на поверхность реальным интересам молодого поколения, которое предпочло в ситуации неопределенности вернуться к проверенной временем традиции изучения гуманитарных наук и искусств, развивающих творческие навыки, критическое мышление, эстетические способности и нравственные чувства и рефлексию, необходимые современному высокому профессионалу в любой сфере деятельности.

К сожалению, в России подобные исторические культурные традиции отсутствуют: она не знала античности с ее интересом к человеку, искусствами и философией. Православная церковь не стала инициатором и меценатом развития гуманитарных наук и искусств. Не произошло и революционного переосмысления мирских практик в рамках религиозного мышления, как это было в странах, переживших Реформацию. «Предвозрождение на Руси не принесло с собой Возрождения». В России не случилась научная революция. Когда Петр Первый захотел «приохотить» страну к просвещению, отмечал П. Я. Чаадаев, он кинул нам плащ цивилизации. Мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. Лишь в XIX веке в России была создана система образования, построенная, начиная с царскосель-

ского лица, на принципах классического гуманитарного образования, благодаря которой была воспитана плеяда деятелей культуры, поставивших страну в ряд великих мировых культурных держав. Но в целом дворянство, давшее России и миру целую плеяду выдающихся художников мирового уровня, было, по свидетельству Бердяева, малокультурным и не могло выступать в качестве морального авторитета, каковым не было и духовенство. Другой религиозный философ С. Н. Булгаков обвинял в малокультурности интеллигенцию и предупреждал, что культурная ситуация в России очень взрывоопасна. Однако и его предостережения не были услышаны. Культурная элита дореволюционной России (дворянство и интеллигенция) была уничтожена. Аналогичная участь постигла все сословия, которые были в той или иной мере причастны достижениям культуры и цивилизации. В итоге в стране не сохранилось ни традиций, ни факторов, ни социальных групп, способных оценить и «защитить» гуманистику.

Несколько позже создания «Чевенгура» советская власть изменила отношение к образованию, провозгласив культурную революцию. Однако выиграла от нее естественные науки, поскольку они требовались для индустриализации и милитаризации экономики. Социальные и гуманитарные науки были, напротив, лишены автономного статуса и подчинены интересам идеологии, превращены в средство «красной пропаганды», что нанесло большой ущерб уровню их научности и дискредитировало в глазах общества. В результате престиж социальных и гуманитарных наук пал, и в обществе не нашлось их защитников ни в лице профессионального гуманитарного сообщества, ни со стороны каких-то иных социальных групп.

Современная российская «элита» интеллектуально вряд ли соответствует своему положению, и ее антикультурность стала притчей во языцех. Что же говорить о рядовых гражданах и молодежи, которая в начальной, средней, высшей школе получает мизерные знания о культуре?

Последний мировой кризис высветил разницу в национальных предпочтениях и показал, что в число отечественных приоритетов гуманитарные науки и искусства, очевидно, не входят. Вместо того чтобы ликвидировать культурное отставание от европейских держав, возрождая собственное культурное наследие и прибываясь к мировому культурному опыту, что предполагает увеличение удельного веса социальных и гуманитарных дисциплин

на всех уровнях образования, в России проект реформы среднего образования находится «В полном противоречии с потребностями общества и мировой практикой» (выделено мной. — В. Г.). То же самое, на мой взгляд, справедливо и по отношению к проходящей реформе высшего образования, которая приняла форму механической подгонки количества часов и дисциплин под «бакалавриат» и «магистратуру».

В условиях нашей социокультурной специфики наиболее страдательной стороной в этой ситуации в который раз оказались гуманитарные и социальные науки, павшие первой жертвой сокращения часов и бюджетных мест. В образовательных программах специалистов естественно-научного и технического профиля гуманитарная составляющая сокращается до минимума. Ситуацию усугубляет политика сверху, направленная на сокращение гуманитарных дисциплин. Знаменательно, что со стороны профессионального академического гуманитарного сообщества подобная ситуация не вызвала никакой официальной оценки и организованного выражения своего профессионального корпоративного мнения. Между тем ученые отмечают, что сегодняшний кризис — это не столько кризис экономики, сколько кризис культуры, выйти из него можно только с ее помощью. Культура в России сегодня — это *ultimo ratio*, последний шанс найти выход из сложившейся непростой ситуации.

Принимая во внимание состояние культуры в целом и гуманистики в частности в современном российском обществе и в нашем регионе в особенности, мне хотелось бы в качестве одного из шагов ликвидации культурно-гуманитарного провала и возрождения утраченных Россией культурных традиций предложить создать на базе Воронежского государственного университета Институт изучения культуры и культурной политики Воронежского региона имени Андрея Платонова, отличительной чертой которого была бы междисциплинарность, поскольку изучение жизни и творчества Платонова требует привлечения не только литературоведов, но и культурологов, историков, экономистов, социологов и представителей других социальных и гуманитарных наук. Этот институт смог бы поднять мониторинг и изучение региональной культуры на качественно новый уровень, и заключения его сотрудников могли бы выступать в качестве экспертной основы для планирования и проведения культурной политики в регионе. Данный институт, координируя культур-

ную политику и общественно-политическую практику, мог бы стать центром координации культуртрегерской деятельности в «Че-Че-О», разрабатывать программу создания и поддержания имиджа Воронежской области как культурной столицы Черноземья и методы ее воплощения на практике.

Организаторы Платоновского фестиваля не раз подчеркивали на пресс-конференциях, что его цель — не только пропаганда творчества писателя. Его задача более широкая — приобщить город и регион к достижениям мировой культуры и цивилизации, разбудить творческую инициативу, поднять уровень массовой культуры населения. Этому личность писателя, особенности его жизненного пути и потенциал творчества способствуют самым непосредственным образом. Всесторонняя интерпретация наследия писателя и его популяризация могли бы помогать не только пропаганде его художественного творчества и приобщению людей к высокому искусству, но и налаживанию и упрочению связи искусства и науки с жизнью, бытом, экономикой, природой, что стало бы лучшим

памятником писателю и наиболее соответствующим его духу.

Международный Платоновский фестиваль, безусловно, стал прорывом в культурной жизни нашей провинции. Однако откуда будут братья его новые сторонники, зрители, участники, если гуманитарная составляющая начального, среднего и высшего образования будет сокращаться, а сами гуманитарные институты, колледжи, школы, училища, факультеты закрываться, сливаться и «модернизироваться» подобным образом? Писатель доказал, что «самосевом», «самотеком», без применения внешней силы, на что надеялись его персонажи, ничего не происходит, кроме физической и духовной атрофии и деградации. Если подобные тенденции в нашем образовании будут продолжаться, то фестиваль окажется мероприятием для галочки, выездным концертом для обеспеченной части публики, а народ так и останется «чистым полем». Хотелось бы надеяться, что эти тенденции будут остановлены и исправлены и фестиваль сыграет в этом свою роль. Или П. -Я. Чаадаев был прав, утверждая, опыта прошлого для нас не существует?

Воронеж в дни Платоновского фестиваля

